

УДК 82-31; 82:801.6; 82-1/-9; 821(091)
DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-112-119

МОТИВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ И СЕМАНТИКА КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТОПОСОВ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

Т. Г. Масменак

Томский государственный педагогический университет, Томск

Анализируется пространственная поэтика романа В. Набокова «Отчаяние». Особое внимание уделяется мотиву бездомности, связанному не с внешними обстоятельствами жизни, а с его внутренним ощущением отсутствия основы существования. Такая особенность персонажа предопределяет его положение – в движении. Значимыми для понимания концепции произведения являются и места остановок персонажа (локусы с семантикой временности, непостоянства), и направления перемещения Германа (ближе к России или на юго-запад Европы). Пространственный выбор отражает и внутренние метания персонажа, по национальности принадлежащего к двум культурам (русской и немецкой). Специфика пространственной поэтики романа раскрывается в сопоставлении вынужденных и желаемых, реальных и воображаемых персонажем перемещений. Анализ мотива перемещения позволяет разграничить позицию автора и недостоверного повествователя и конкретизировать художественные способы раскрытия проблемы самоопределения и самоидентификации, поставленные в романе.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, В. Набоков, мотив перемещения, художественное пространство.

Во всех русскоязычных романах В. Набокова об изгнанниках («Машенька», «Защита Лужина», «Соглядатай», «Подвиг», «Отчаяние», «Дар») мотив перемещения является фабулообразующим, что может быть объяснено влиянием на творчество биографического опыта эмигранта, вынужденного менять места жизни (Россия, Европа, США). Мотив вслед за И. Силантьевым понимается как «повествовательный феномен, соотносящий в своей семантической структуре предикативное начало фабульного действия с его актантами и определенными пространственно-временными признаками, инвариантный в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантный в своих событийных реализациях в фабулах, интертекстуальный в своем функционировании и обретающий эстетически значимые смыслы в рамках сюжетных контекстов» [1, с. 32]. Соответственно, анализ мотива предполагает выявление повторяющихся и развивающихся в сюжете и повествовании положений с учетом их соотносительности с персонажами и пространственной организацией текста. В целом тема эмиграции многократно становилась предметом набоковедческих исследований (например, [2–4]). Привлекал внимание филологов и более сложный аспект соотношения пространств в романах в связи с признанием модернистской поэтики прозы писателя. Изучению «двупространственности» в творчестве В. Набокова посвящена работа Ю. И. Левина «Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова», где обосновывается противопоставление мира реального и мира воображения (Re/Im), подкрепленное оппозицией чужбины и родины (E/P) [5].

Интересующее авторов статьи направление изучения художественного пространства романов В. Набокова связано с исследованием семантики не просто отдельных локусов пребывания персонажей, а с выявлением образов различных стран. Интересно проследить, какие признаки историко-географических культур актуализируются в сознании центрального персонажа-повествователя Германа и влияют на предпочтение им маршрутов перемещения, мест посещения и как выбор направления движения характеризует персонажа. Подобный подход применен Е. А. Полевой при анализе романа «Подвиг», подтвердившем роль пространственной поэтики в оформлении образа персонажа и значение мотива перемещения в организации сюжета самоопределения персонажа [6].

В романе «Отчаяние» мотив перемещения предполагает несколько аспектов рассмотрения: перемещение географическое (из страны в страну), топографическое (герой большую часть времени проводит в пути), временное/ментальное («соскальзывание» в воспоминание, перемещение вымышленное или сновидческое).

Незакрепленность и отсутствие привязанности к одному пространству (топосу) является специфической чертой Германа и исследователями интерпретируется как следствие проблемы самоидентификации и самоопределения [7–9]. Будучи «отвергнутым» Россией (его интернировали как немецкого подданного), он не может внутренне «встроиться» в социально-культурный уклад Германии, хотя внешне ведет жизнь благополучного бюргера [8]. Чувство внутренней неопределенности и «размывает», и актуализирует ощущение границ существ-

вования. Это состояние отражается в пространственных перемещениях и в отношении к странам, с которыми Герман связан судьбой.

Упомянутые в романе В. Набокова страны и города можно условно разделить на две группы. Первая включает в себя места фактического пребывания персонажа: Германию, Чехию, Францию («город Икс»). Вторая группа – это страны, возникающие в воспоминаниях и фантазиях Германа и связанные с нереализованными желаниями: Россия, Италия, Франция (Париж, Ницца). Узловые события сюжета соотнесены с разными странами: двойника Герман обнаруживает в Чехии, его убийство он совершает в Германии, пишет текст о замысле убийства и подмены (чтобы доказать свою гениальность) во Франции, но при этом планирует передать рукопись русскому писателю-эмигранту и мечтает, что его роман будет известен носителям русской культуры, в том числе и в советской России. Несбыточной остается мечта Германа после убийства двойника и публикации своего произведения поселиться на юге Европы (в каком-нибудь городе Италии или Ницце). Соответственно, за каждым культурно-пространственным топосом закреплена в романе различная семантика.

При интерпретации мотива перемещения также важно учитывать время сюжетных событий – 1930 г., период Великой депрессии, экономического кризиса в Европе.

Завязка сюжетных событий романа «Отчаяние» происходит в Праге, куда Герман прибыл из Германии по делам своего предприятия. Внешне выбор данного города логичен и прагматичен. В 1930 г. Чехословакия – самое экономически развитое государство в Восточной Европе. Финансовый кризис, затронувший Европу, отразился на Чехословакии меньше всего [10]. Поэтому понятно, зачем прогорающий, разоряющийся делец поехал в Прагу. Но недостоверный персонаж-повествователь сам задает необходимость искать в его действиях не только внешние причины, но и скрытую мотивацию, утверждая, что он играет с читателем: «А я только что здорово кого-то надул. Кого? Посмотришь, читатель, в зеркало...» [11, с. 347]. Кроме того, Герман пишет *о себе*, то есть не может «внезапно» (М. Бахтин) посмотреть на свои действия, в полной мере осознать свой выбор, поэтому внутренняя мотивация перемещений персонажа – зона уже не персонажа, а автора. Расшифровка причин выбора перемещения – это способ понять концепцию произведения.

В пространственной организации романа обнаруживаются два вектора движения Германа – на восток, ближе к России и на юго-запад Европы. Эти направления отражают внутренние, во многом неосознанные метания центрального персонажа, по

происхождению полунемца-полурусского, «получившего образование в России и ощущающего себя носителем двух неродственных культур – русской и немецкой...» [8]. Причастность к славянскому миру Герман и не отрицает (мать – русская, он с гордостью говорит о том, что учился в российском университете), и не хочет признавать. Например, противопоставляет свою – немецкую – организованность славянской неаккуратности (жены Лиды), непунктуальности (партнеров из Чехии): в Праге он «...не застал, кого хотел, сказали, что он будет через час, *наверное...*» (здесь и далее курсив мой. – Т. М.) [11, с. 334]. Также противоречиво его отношение к Германии. С одной стороны, его имя созвучно с Германией и в переводе с немецкого означает «господин человек»; он ощущает свойственное европейцам превосходство над окружающими [8]. Даже ситуацию собственного финансового кризиса он обставляет как одолжение другим: «*Мы предлагали иностранной фирме, скатывавшейся в банкротство, перейти на наше производство для обслуживания в Чехии...*» [11, с. 334]. С другой стороны, он уничижительно отзывался о соотечественниках («бисмарк в халате»).

Бессознательное восприятие центральным персонажем Чехии, территориально расположенной между Россией и Западной Европой, обусловлено тем, что это восточное направление от Германии в сторону к *России*, куда по политическим причинам он попасть не может. Чехия имеет семантику пограничного локуса [12, с. 183], который и разделяет два мира (славянской и западно-европейской культур), и соединяет их. Неосознанно Герман «вписывает» себя в это пространство, ожидает от него отклика на неясные внутренние ощущения: именно здесь его посещает «тайное вдохновение».

Кроме этого, для анализа образа Чехии в романе значима пространственная оппозиция «центр – окраина», также характеризующая персонаж. Прага – столица европейского государства, и архитектура города вполне соответствует типичному облику городов Европы. Но контора, в которой должна была состояться встреча, расположена на окраине Праги, между структурированным городским пространством и природно-деревенским простором. Не застав партнера, Герман предпочитает выйти из замкнутого казенного локуса в открытое пространство.

Прогулка по окраинам Праги завершилась, как считает Герман, судьбоносной для него встречей двойника, Феликса, также полунемца-полуславянина. Размышляя о произошедшем, Герман подчеркивает интуитивный способ своего передвижения: «Пошел *наугад...* и *вдруг* дома кончились, *распахнулся* простор, показавшийся мне *вольным*, *деревенским*, *весьма заманчивым*» [11, с. 335].

Принципиально, что Герман не имеет заданной траектории своего движения. Его притягивает *нерегламентированное, неизвестное и естественное*. Эти характеристики пространства противопоставлены описанию его жизни в Германии, в которой все *типично* для бюргерской среды, размеренно и искусственно (комнаты в «коробочно-обжужлю пространственно-безфинтифлюшечном стиле» [11, с. 347]).

Бредя «без цели», без ориентиров, Герман ощущает внутренний подъем, переданный также через направление движения – вверх, которое создает иллюзию восхождения, приближения к небу: «Впереди великолепный крутой холм *поднимался* стеной в небо. Решил на него взобраться» [11, с. 335]. Подъем, преодоление границ (холма, похожего на стену), выход на простор – передают характер перемещения в пространстве, рождающего у Германа *предчувствие свершения* каких-то пока не осознанных, не оформившихся творческих замыслов. Обнаруженный им бродяга Феликс воспринимается Германом как часть природного мира, который он (цивилизованный человек) имеет право преобразовывать, навязывая предназначение и цель существования [9].

Но внешняя самоуверенность Германа контрастирует с жадной самоутверждения, с ощущением, что он пока не состоялся. Это противоречие вызвано переживанием изгнания из России: в Германии он не может полностью ассимилироваться, равно как и не желает стать в ней типичным русским эмигрантом, ощущая себя выше и немецких бюргеров (ментально), и беженцев из России (материально). Поэтому он желает доказать свою исключительность, гениальность, которая, по версии Германа, обеспечивается зоркостью, наблюдательностью и способностью искусно обманывать.

Описание пейзажа пражских окраин вводит тему природы как соперницы творца (метафора «надул ветер», используемая Германом, отражает его притязания переиграть природу) и поддерживает мотив обмана и связанные с ним темы ложного зрения и разочарования от пустого ожидания: «Великолепие его (холма. – Т. М.) *оказалось обманом*. <...> Казалось, вот-вот дойду до какой-то чудной глухой красоты, *но ее все не было*» [11, с. 335]. Благополучная жизнь столицы Чехии предстает бытовой изнанкой: «...*все было загажено, бумажонки, тряпки, отбросы*. <...> Когда я наконец дошел доверху, там оказались *кривые домики*, да на веревке надувались *мнимой жизнью подштанники*» [11, с. 335]. Низменно-бытовые детали («подштанники», «отбросы») дисгармоничного и асимметричного пространства («кривые домики») служат авторским маркером внутреннего состояния Германа, переживающего разлад с собой (встреча с двойником прочитывается как метафора раздвоения) и

опустошенность: «Я был совершенно *пуст...*» [11, с. 335].

Повествование недостоверного рассказчика Германа проявляет, как мимолетная встреча с альтер-эго начинает интерпретироваться в экзистенциальном ключе – поиска смысла существования, самого себя: «...я нашел то, чего бессознательно искал» [11, с. 337]; «Герман нашел себя» [11, с. 361].

Парадокс в том, что чувство *наполненности* жизни смыслом связывается с убийством себе подобного, и для совершения этого назначена вторая встреча с Феликсом, которая состоялась в саксонском¹ городке Тарнице, расположенном на самой *границе* со славянским миром (Чехией и Польшей). Тарниц в романе представлен локусами бульвара, трактира, гостиницы, пребывание в которых краткосрочно; это временные локусы не-дома. Самой явной характеристикой топоса Тарница является пограничность: Герман в нем находится между Германией и славянскими странами, а ментально – между настоящим и прошлым, сном и явью. Это пространство осуществления нравственного выбора: поддаться «соблазну» или «остаток жизни» посвятить «кое-чему другому, нежели мерзкой мечте» [11, с. 392].

Для Германа цель второй встречи с Феликсом – проверить свои способности обманывать другого, манипулировать им. Но его четкие планы рушатся из-за воспоминаний, пробуждающих тревогу, сомнение и недовольство собой. Через механизмы памяти в германское настоящее вклинивается российское прошлое. Вначале возникают культурно-географические ассоциации: «...при тусклом вечернем свете памятник *мог бы сойти за петербургского всадника...*» [11, с. 373]. На первый взгляд, они не оказывают сильного эмоционального воздействия на персонажа-повествователя, и в целом воспоминания *петербургского* детства и юности (учеба в школе, в университете) описаны им сдержанно-позитивно и приводятся осознанно и избирательно для доказательства своей начитанности, интеллектуальности, зарождающейся литературной гениальности. Однако упоминание «петербургского памятника» актуализирует «петербургский» код русской литературы и прежде всего традиции творчества Достоевского, стилистику которого Герман невольно повторяет, описывая встречу с Феликсом: «...этот наш разговор смахивает на застеночные беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского» [11, с. 386].

Через отсылку к Достоевскому и поэтику пространства Набоков вводит тему «застеночного», «углового» человека, желающего утвердиться в

¹ Саксония – одно из Свободных государств в Германии, граничит на востоке с Польшей, на юго-востоке с Чехией.

своем праве реализовать свою волю, стать «хозяйном своей жизни» [11, с. 394] (и не только своей). Однако мешают преступить нравственный закон знаки из бессознательного, проявляющиеся в неконтролируемых воспоминаниях и снах. Спусковым механизмом спонтанных воспоминаний жизни в России, влияющих на выбор Германа в Тарнице, является не статуя, напоминающая Петра I, не открытый топос бульвара, а вновь (как и в Чехии) – задворки, углы.

По определению Ю. И. Левина, в поэтическом мире Набокова Россия «наделена высокой ценностью», а так как физическое возвращение в нее невозможно, единственным способом для перемещения туда является ментальный переход через воспоминание [5, с. 324–325]. Для Германа же образы, неконтролируемо всплывающие из памяти, осмысляются не как ценные, а навязчиво-мучительные, непонятно, как и для чего возникающие: «...выглянул... Женщину я знал, и татарина знал тоже, и знал эти *лопухи*... и когда я опять посмотрел на двор, это уже был не татарин, а какой-то местный *оборванец*... женщины же вообще не было – но пока я смотрел, опять стало все соединяться, строиться, составлять определенное воспоминание, – *вырастали, теснясь, лопухи в углу двора*... и я не мог понять, где ядро, вокруг которого все это образовалось...» [11, с. 372].

Каждый раз, когда Герман территориально оказывается ближе к России, именно внутренние дворы, задворки, изнанка фасадов зданий вызывают у него болезненные воспоминания: «Вспоминаю теперь оный городок (Тарниц. – Т. М.). <...>. Мне даже кажется, что он был построен из каких-то *отбросов моего прошлого*...» [11, с. 372]. Через эти воспоминания прослеживается затаенная обида Германа, обусловленная тем, что его «выкинули» из родной страны как ненужный «мусор». Вместе с тем получается, что движение в сторону России связано с проявлениями нравственного чувства, с сомнением, стоит ли воплощать «мерзкую мечту».

Но Герман выбирает другой вектор движения – вглубь Европы: первая встреча с двойником происходит в Чехии, вторая на границе Чехии и Германии, третья – в Германии, «в трех часах езды от Берлина». И внешнее перемещение совпадает с внутренней динамикой – от бессознательного интереса к двойнику (Чехия) к сомнению, стоит ли воспользоваться случаем встречи с ним для своих целей (граница Германии, Чехии, Польши) и решению убить двойника (Германия).

Пространство Германии, таким образом, связано с семантикой «преступления», обоснование права на которое сам Герман связывает с нищенскими идеями («я деспот своего бытия»), получившими развитие в государственных идеологиях

XX в. События, описываемые в романе, происходят в 1930 г., когда в Германии активно развивалось национал-социалистическое движение, основополагающей идеей которого является признание превосходства одной нации над другими и утверждение права одних распоряжаться судьбами других. Герман разделяет подобные мысли, считая себя умнее, лучше окружающих его людей и полагая, что это дает ему основание использовать их для своих целей. Нужно подчеркнуть, что такая семантика топоса Германии отражает кругозор не Набокова (хотя известно, что писателю пришлось покинуть эту страну из-за угрозы ареста его жены, еврейки по национальности, поэтому отзвук исторического времени в романе неслучаен), а его персонажа Германа, который актуализирует для себя не немецкую культуру, а социальные идеи и образ жизни. Следует также отметить, что, обосновывая свое право на убийство другого, Герман апеллирует и к советской идеологии, допускающей неморальные средства достижения цели. Он не разделяет мнение жены о большевиках как о «садидах» и считает, что «...коммунизм действительно создаст *прекрасный* квадратный мир одинаковых здоровяков...» [11, с. 344]. Таким образом, уже в начале 1930-х гг. в «Отчаянии» звучит мысль о сходстве двух идеологий, которые не приемлет В. Набоков и опровергает их состоятельность сюжетом краха замысла персонажа, пронацистски и прокоммунистически настроенного.

Убийство для Германа становится неудавшимся актом самоутверждения и перерождения. Сменив внешность и присвоив чужое имя, он не изменил свою сущность, не обрел цельности и цели существования. Условного перемещения-превращения в другого человека не произошло, а чувство пустоты возникло вновь. Все планы, которые центральный персонаж намеревался воплотить после убийства, не были реализованы, кроме того, он впадает в состояние отчаяния: банальность его ошибки (он забыл на месте преступления палку с именем убитого, чьими документами он воспользовался) и молниеносное раскрытие совершенного преступления доказывают, что он не гений, а примитивный убийца: «Тон был неслыханный, – он настолько был неприемлем и непозволителен *по отношению ко мне*, что я даже подумал, не идет ли речь об однофамильце, – таким тоном пишут о каком-нибудь полудиоте, вырезавшем целую семью» [11, с. 446]. Разоблачая замысел своего персонажа, В. Набоков вступает в полемику со всеми идеями, связанными с признанием права одного человека распоряжаться жизнью других.

Место осознания своего промаха и обретения отчаяния – Франция, границу с которой Герман свободно пересек под именем убитого им человека.

Именно во Франции он узнает о раскрытии его преступления и, для того чтобы оправдать «свое детище», садится за написание произведения о нем. Семантика образа Франции определяется несколькими деталями.

Во-первых, Франция ассоциируется с любовью, божественной жизнью. Именно там Герман хотел прожить остаток жизни «честным рантье» с женой на вырученные от страховки деньги. Он мечтает о юге Франции, побережье Средиземного моря; в разговоре с Лидой упоминается курорт Ницца – место отдыха состоятельных, успешных людей.

Во-вторых, Франция у Германа ассоциируется, с одной стороны, со *свободным* искусством (здесь он начинает писать текст, притязая на обновление литературных традиций), с другой стороны, со стилем классицизма, которому свойственны *следование четким правилам, опора на традиции*. Так, он дает своей жене Лиде указание поселиться в Париже в отеле «Малерб», названном именем основоположника классицизма Франсуа де Малерба. Выбор отеля с таким названием проявляет подсознательное стремление Германа к упорядоченной, размеренной жизни, следованию канону, от которого он не может отказаться и в писательстве, осознавая, что, создавая свой текст, он пользуется уже готовыми приемами русской классической литературы.

Наконец, как и Чехия, Франция в романе связана с образом возвышенности, но не просто холма, а горы, «похожей на Фузияму» [11, с. 334]. Гора Фузияма находится на острове Хонсю (Япония), имеет уникальную, практически идеальную коническую форму. Известно, что до X в. Фузияму обозначали иероглифами «бессмертие», «вечность», «несравненность» [13]. По сути, Фузияма символизирует совершенство, вместе с тем это действующий, но спящий вулкан¹, т. е. за идеальной красотой скрывается опасное, разрушительное нутро. Образ Фузиямы семантически совпадает с желанием Германа воплотить свои идеальные (на его взгляд) качества и при этом скрыть свое несовершенство.

Гора связана и с семантикой восхождения. Но Герман проявляет к горе только созерцательный интерес, у него нет желания и возможности проделать

этот путь вверх. Отказ от движения свидетельствует о новом внутреннем состоянии персонажа. По его собственному признанию, написание произведения продвигается с трудом. Преступление раскрыто, текст не дописан, и жена осталась рядом с соперником – Ардалионом. Герман ощущает опустошение после совершенного убийства и осознает свою несостоятельность, понимает тупиковость того пути, который он выбрал.

По замыслу Германа, после подмены личности он должен был воссоединиться с Лидой и беспечно жить с ней на морском побережье Франции или в Италии – странах, ассоциирующихся с «обителью чистых нег». Симптоматично, что слово «трудо» персонаж, декламируя стихотворение А. С. Пушкина «Пора, мой друг, пора», упускает. Точно подметил А. Долинин, что это имеет принципиальное значение для осмысления образа центрального персонажа и замысла произведения в целом. Цитация текста А. С. Пушкина в сознании Германа должна «уподобить <его> великому поэту, а... безумный и пошлый замысел – пушкинскому побегу», но искажение цитаты «разоблачает глубинное, сущностное отличие своего идиотского „жизнетворческого“ проекта от „завидной доли“ Пушкина. В то время, как поэт мечтает о бегстве в „дальнюю обитель“, то есть... в мир творческих трудов, бездарный самозванец Герман думает лишь о побеге за границу и безбедном существовании – то есть о ближней „обители чистых нег“, из которой исключено творческое начало» [14].

Действительно, «обитель чистых нег» у Германа имеет конкретные ассоциации с югом Европы и отражает его заблуждение: ему кажется, что смена внешних обстоятельств жизни будет способствовать личностному изменению. Такую точку зрения он проявляет, уговаривая Ардалиона (по его оценке, бездарного художника, а на самом деле его соперника, близкого Лиде человека, с «зоркими глазами») поехать в Италию: «Мне кажется, что вам следовало бы переменить атмосферу, освежиться, набраться новых впечатлений... Вам следовало бы пожить среди другой природы, в лучах солнца – солнце друг художников...» [11, с. 409–410]. И хотя понятны прагматичные причины желания Германа отправить Ардалиона подальше от жены и избавиться от него в период подготовки к убийству, аргументация, почему нужно посетить Италию, совпадает с той, какую он приводит жене, подготавливая ее к переезду из Германии на юг Западной Европы. И она наконец соглашается, что неплохо отправиться туда, где «солнышко, волнышки». Но вместо пространства, профанировано ассоциирующегося с земным раем, Германа ждет либо немецкая тюрьма, либо казнь – «раковинный гул вечного небытия» [11, с. 394].

¹ Его правильные формы были сформированы за счет застывшей лавы четырех извергавшихся долгое время древних вулканов. Историк-японист А. Мещеряков отметил, что на многих картинах японских художников Фузияма изображена приукрашенно. Первые письменные упоминания и рисунки о Фузияме относят к VIII в. н. э. В те времена вулкан часто взрывался и извергался, однако ни на изображениях, ни в рукописях данные факты не отображены. Таким образом, японцами тщательно скрывался ужасный облик священной для них горы [13].

В целом для анализа мотива перемещения в омане «Отчаяние» важны такие пространственные корреляции, как «дом»/«не-дом», «путь»/«дорога».

На первый взгляд, Герман – персонаж, который отличается от своих двойников и соперников тем, что имеет «квартиру в новом доме» в столице Германии. В повествовании подчеркивается бездомность эмигранта Ардалиона, вынужденного снимать комнату, и отсутствие жилья у бродяги Феликса.

Однако пространство квартиры заполняют собой Лида и Ардалион, а накануне отъезда на вторую встречу с Феликсом Герман вообще ощущает свое отсутствие в собственном доме: «...как будто меня не было в комнате, как будто я был тенью или бессловесным существом... точно я и вправду присутствую в качестве отражения...» [11, с. 371]. «Дом» как бытовое пространство и «дом» как страна (Германия) не являются для Германа «своим» местом, где он чувствовал бы себя комфортно и с которым связывал свое будущее. Герман практически не бывает дома; повествование отражает его постоянные перемещения. Он останавливается во временных казенных локусах, обладающих семантикой не-дома, не-своего пространства, не дающего чувства устойчивости существования – гостиницы, трактиры, бульвары, конторы.

Парадокс перемещений Германа в том, что, с одной стороны, они обретают характер целенаправленного (в географическом плане) движения, с

другой стороны, внешнее целеполагание не подкрепляется чувством внутреннего удовлетворения, так как подлинные (экзистенциальные) цели движения не достигнуты. Для характеристики перемещения Германа уместно использовать обоснованные Ю. М. Лотманом понятия «дорога» и «путь». Дорога всегда имеет конечную цель; путь принципиально безграничен в оба конца, «он может состоять в бесконечном восхождении и в бесконечном падении» [15, с. 219–293]. Выбрав путь поиска самоопределения и социально-культурной самоидентификации, Герман вынужден пребывать в постоянном движении.

Перемещение локальное (из дома в гостиницу), территориальное (из страны в страну), попытка перемещения в чужую личность путем присвоения биографии и имени другого, т. е. попытка смены внешних обстоятельств, не способствуют достижению внутренней цельности. В романе показаны метания личности, которая не может найти главное – свою самость. Авторская позиция же состоит в том, что выбор неморальных средств для постижения своих целей не может укрепить личности изнутри, как невозможно достижение гармонии с собой без труда, без внутренней работы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 17-34-00017a1-ОГН.

Список литературы

1. Силантьев И. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 32–62.
2. Александров В. Потусторонность в «Даре» В. Набокова // В. В. Набоков: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 49–51.
3. Ухова Е. Призма памяти в романах Владимира Набокова // Вопросы литературы. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/uhov.html> (дата обращения: 12.03.2018).
4. Полева Е. А. Мотив исчезновения в романах В. Набокова конца 1920–1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 219 с.
5. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.
6. Полева Е. А. Сюжет национальной идентификации героя романа В. Набокова «Подвиг» // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века: по материалам 2-й интернет-конференции «Русскоязычная литература в контексте славянской культуры: проблемы национальной идентичности» (30 октября – 10 ноября 2009 г.) / науч. ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 145–163.
7. Семёнова С. Два полюса русского экзистенциализма. Проза Г. Иванова и В. Набокова-Сирин // Новый мир. 1999. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/9/semen.html (дата обращения: 27.01.2018).
8. Полева Е. А. Национальная идентификация героя в романе В. Набокова «Отчаяние» // Вестн. ТГУ. Филология. 2009. № 4. С. 75–86.
9. Полева Е. А. Я и Другой в жизни и искусстве: В. В. Набоков «Отчаяние» и М. М. Бахтин «Автор и герой в эстетической деятельности» // Набоковский сборник. 2011. № 1. С. 140–148.
10. История южных и западных славян: в 2 т. Т. 2: Новейшее время / под ред. Г. Ф. Матвеева и З. С. Ненашевой. М.: Изд-во МГУ, 2001. 272 с. URL: <https://studfiles.net/preview/2490765/> (дата обращения: 27.01.2018).
11. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. 480 с.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
13. Мещериков А. Н. Гора Фудзи. Между землей и небом. М.: Наталис, 2010. 288 с.
14. Долинин А. Набоков, Достоевский и Достоевщина // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (дата обращения 15.03.2018).
15. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.

16. Полева Е. А. Этика поступка и этика письма в романе В. Набокова «Отчаяние» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2006. № 8. С. 27–39.

Мастепак Татьяна Геннадьевна, магистрант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: tanja_mastepak@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30.05.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-112-119

THE MOTIF OF MOVEMENT AND SEMANTICS OF CULTURAL AND GEOGRAPHICAL TOPOS IN V. NABOKOV'S NOVEL "DESPAIR"

T. G. Mastepak

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article gives an analysis of the poetic structure of space in Nabokov's novel "Despair". Close attention is paid to the motif of homelessness, not related to the external circumstances of life (the main character in the novel, Herman has an apartment), but to his inner sense about the meaning of existence. This key feature of the character determines his position – in motion. The temporary destinations of the character (the semantics of temporality, non-permanence: hotels, taverns, post offices), and the direction of Herman's travel (closer to Russia or South-West Europe) are also important in understanding the concept of the novel. The spatial choice reflects also the inner turmoil of the character, his national belonging to two cultures (Russian and German). The character's choices fluctuate, and this is reflected in his movements: he approaches Russia, then moves away. It is important to note that the specificity of the novel's poetics of space is revealed in the comparison of forced and desired, real and imaginary moves of the character. Key scenes of the story are correlated with different countries: Herman discovers his twin in the Czech Republic, he commits murder in Germany, writes the text about the idea of murder and substitution (designed to prove his genius) in France, but he plans to transfer the manuscript to writer-emigrant from Russia and dreams that his novel will be known to carriers of Russian culture, including those in Soviet Russia. In addition to these countries, the field of the character's consciousness the novel includes countries such as Italy and France. Accordingly, the article explores the ways of constructing the image of different countries, cities, some places and reveal how the space perception of the characters contributes to their disclosure. The space-related motif of movement allows us to distinguish the author's position and the position of the unreliable narrator and specify the artistic methods of disclosure of the self-determination and self-identification problem created in the novel.

Key words: *russian emigration literature, V. Nabokov, motif of movement, artistic space.*

References

1. Silant'ev I. Motiv kak problema narratologii [Motive as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika* – Critique & Semiotics, 2002, issue 5, pp. 32–62 (in Russian).
2. Aleksandrov V. Potustoronnost' v "Dare" V. Nabokova [Supernatural in "The Gift" by V. Nabokov]. *V. V. Nabokov: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. Antologiya* [V. V. Nabokov: PRO ET CONTRA. Personality and creativity of Vladimir Nabokov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers. Anthology]. Saint Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 1997, pp. 49–51 (in Russian).
3. Ukhova E. Prizma pamyati v romanakh Vladimira Nabokova [The prism of memory in the novels of Vladimir Nabokov]. *Voprosy Literatry*, 2003, no. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/uhov.html> (accessed 12 March 2018) (in Russian).
4. Poleva E. A. *Motiv ischeznoventiya v romanakh V. Nabokova kontsa 1920–1930-kh godov*. Dis. kand. filol. nauk [The motif of disappearance in the novels of V. Nabokov in late 1920–1930-ies. Diss. cand. of philol. sci.]. Tomsk, 2008. 123 p. (in Russian).
5. Levin Yu. I. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 824 p. (in Russian).
6. Poleva E. A. Syuzhet natsional'noy identifikatsii geroya romana V. Nabokova "Podvig" [The story of the national identity of the hero of the novel of Vladimir Nabokov "Podvig"]. *Problemy natsional'noy identichnosti v russkoy literature XX veka: po materialam 2-y Internet-konferentsii "Russkoyazychnaya literatura v kontekste slavyanskoy kul'tury: problemy natsional'noy identichnosti"* (30 oktyabrya – 10 noyabrya 2009 g.). Ed. T. L. Rybal'chenko [Problems of national identity in Russian literature of the 20th century: based on the materials of the 2nd Internet Conference "Russian Literature in the Context of the Slavic Culture: Problems of National Identity" (October 30 – November 10, 2009). Scientific ed. by T. L. Rybalchenko]. Tomsk, TSU Publ., 2011. Pp. 145–163 (in Russian).
7. Semyonova S. Dva polyusa russkogo ekzistentsializma. Proza G. Ivanova i V. Nabokova-Sirina [Two poles of Russian existentialism. Prose of Ivanov and Vladimir Nabokov-Sirin]. *Novyy mir*, 1999, no. 9 (in Russian). URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/9/semen.html (accessed 27 January 2018).

8. Poleva E. A. Natsional'naya identifikatsiya geroya v romane V. Nabokova "Otchayaniye" [National self-identification of a character in "The Despair" by Vladimir Nabokov]. *Vestnik TGU. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 4, pp. 75–86 (in Russian).
9. Poleva E. A. Ya i Drugoy v zhizni i iskusstve: V. V. Nabokov "Otchayaniye" i M. M. Bakhtin "Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti" [Me and the Other in life and art: V. V. Nabokov "Despair" and M. M. Bakhtin "Author and character in aesthetic activity"]. *Nabokovskiy sbornik*, 2011, no. 1, pp. 140–148 (in Russian).
10. Matveev G. F., Nenasheva Z. S. (eds.) *Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan: v 2 t. T.2: Noveysheye vremya* [History of the Southern and Western Slavs: in 2 vol. Vol. 2: Modern time.]. Moscow, MSU Publ., 2001, 272 p. (in Russian). URL: <https://studfiles.net/previeshh/2490765/> (accessed 27 January 2018).
11. Nabokov V. V. *Sobraniye sochineniy v 4 t. T. 3* [Collected works in 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 369 p. (in Russian).
12. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
13. Meshcherikov A. N. *Gora Fudzi. Mezhdz zemley i nebom* [Mount Fuji. Between earth and sky]. Moscow, Natalis Publ., 2010. 288 p. (in Russian).
14. Dolinin A. Nabokov, Dostoyevskiy i dostoyevshchina [Nabokov, Dostoyevsky and dostoevshchina]. *Staroye literaturnoye obozreniye*, 2001, no. 1 (277) (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/dol.html> (accessed 15 March 2018).
15. Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [At school of poetic words: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988. 352 p. (in Russian).
16. Poleva E. A. Etika postupka i etika pis'ma v romane V. Nabokova "Otchayaniye" [Ethics of act and ethics of writing in the novel of V. Nabokov "Despair"]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog*, 2006, no. 8, pp. 27–39 (in Russian).

Mastepak T. G., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: tanja_mastepak@mail.ru